

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-412-430>

Научная статья / Research article

Женщины-крестьянки в сельскохозяйственных трудовых коммунах Советской России в 1917 – начале 1930-х гг.

О. М. Семерикова

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина;
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19; olgasemerikova8@yandex.ru

Peasant women in agricultural communes of Soviet Russia in 1917 – early 1930s

Olga M. Semerikova

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin;
19, Mira St., Yekaterinburg, 620002, Russia; olgasemerikova8@yandex.ru

Аннотация: В статье на основе архивных материалов рассмотрен гендерный аспект в деятельности сельскохозяйственных трудовых коммун периода раннесоветского общества. Созданные почти исключительно мужчинами (в составе коллектива), они имели чаще всего около половины или чуть меньше трудоспособных членов из числа представительниц женского пола. Это существенно влияло на психологический климат в коммуне и ее экономические показатели. Отсутствие специальных работ по данной проблематике актуализирует обращение к проблеме соотношения мужского/женского в сельскохозяйственном коллективе изучаемого периода и его значения для количественных и качественных показателей производства. Интерес вызывает также и то, что сельскохозяйственная трудовая коммуна явилась местом социалистического социального эксперимента по созданию «нового» советского человека, «новой» советской женщины. Традиционно женщина определяла психологически-эмоциональную готовность семьи к восприятию «нового», что советская власть активно использовала для усиления своего идеологического влияния в деревне. В рамках большевистского проекта «коммуна» ставились задачи по повышению социального статуса женщины в обществе через широкий доступ к получению образования, занятие производственных, государственных и партийных руководящих постов. Новые возможности, в свою очередь, расширяли пространство самореализации женщин за рамками их обычных ролей в патриархальном укладе. Исследование динамики развития данных процессов в раннесоветский период позволяет выявить естественные границы в осуществлении концепта «новая советская женщина», установить результаты социального проектирования в данной сфере. В исследовании доказано, что при вступлении в коллектив женщины преследовали преимущественно прагматические цели. Автор статьи установлено, что, несмотря на поддержку государством и партией процесса повышения статуса женщины-крестьянки, в обществе сохранялось традиционное представление о ее месте и роли в семье и социальной жизни. В результате привлечение женщин к управленческим функциям осуществлялось медленно, тем не менее, повысило возможности их самореализации.

Ключевые слова: сельскохозяйственная трудовая коммуна, раннесоветское общество, коммунистический проект в деревне, женщина-крестьянка

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

Для цитирования: Семерикова О.М. Женщины-крестьянки в сельскохозяйственных трудовых коммунах Советской России в 1917 – начале 1930-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 2. С. 412–430. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-412-430>

Annotation: This article based on the large body of archival materials and considers the gender aspect in the activities of agricultural communes of the period of the early Soviet society. Created almost exclusively by men (as part of a team), they most often had about half or slightly less able-bodied members from among the women. This significantly influenced the psychological climate in the commune and its economic indicators. The absence of special works on this issue actualizes an appeal to the problem of the ratio of male / female in the agricultural team of the period under study and its significance for quantitative and qualitative indicators of production. It is also of interest that the agricultural labor commune was the site of a socialist social experiment to create a “new” Soviet person, a “new” Soviet woman. Traditionally, the woman determined the psychological and emotional readiness of the family to perceive the “new”, which the Soviet authorities actively used to strengthen their ideological influence in the village. Within the framework of the Bolshevik project “commune”, the tasks were set to raise the social status of women in society through wide access to education, occupying production, state and party leadership positions. New opportunities, in turn, expanded the space for women’s self-realization beyond their usual roles in the patriarchal structure. The study of the dynamics of the development of these processes in the early Soviet period makes it possible to identify natural boundaries in the implementation of the “new Soviet woman” concept, to establish the results of social planning in this area. The study proved that when joining the team, women pursued primarily pragmatic goals. The author of the article found that, despite the support by the state and the party in the process of raising the status of a peasant woman, society retained the traditional idea of its place and role in the family and social life. As a result, the involvement of women in managerial functions was carried out slowly, however, increased the possibility of their self-realization.

Keywords: agricultural commune, early Soviet society, communist project in the village, peasant woman

Acknowledgments: The study was carried out with the financial support of the grant of the Russian Science Foundation (Project No. 16-18-10106 “Early Soviet Society as a Social Project: Ideas, Implementation Mechanisms, Design Results”).

For citation: Semerikova, Olga M. “Peasant women in agricultural communes of Soviet Russia in 1917 – early 1930s.” *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 2 (May 2019): 412–430. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-412-430>

Введение

В 1917 г. в деревне усилился процесс стихийного решения земельного вопроса, который принял необратимый характер после октябрьских событий и прихода к власти большевиков. С этого времени у некоторой части общества появилась возможность реализовать социалистические представления о справедливом и идеальном устройстве труда и быта в деревне. Это выразилось в создании разнообразных коллективных хозяйств, среди которых наиболее выделялись сельскохозяйственные трудовые коммуны.

Практика создания коллективных хозяйств существовала в России еще с XIX в., но она не была связана с основной массой крестьян. Преимущественно это были сектантские и интеллигентские эксперименты, которые быстро завершали свое существование¹.

¹ Гордеева И.А. Общинный миф и общинный эксперимент в истории России XIX–XX вв. // Дюран Д. Коммунизм своими руками: Образ аграрных коммун в Советской России. СПб.: Изд-во Европейского Университета в Санкт-Петербурге, 2010. С. 23, 24.

По мнению исследователей, если крестьяне и принимали участие в артельных кооперативных фантазиях интеллигенции, то исключительно в «прагматических целях, а как новые социальные формы они их совсем не интересовали и даже пугали»². Тем не менее, это был новый опыт, который в период глобальных потрясений Первой мировой войны и Революции 1917 г. оказался востребован, в том числе и в силу того, что «в сознании российских обывателей и интеллектуалов необыкновенно активизировались антииндивидуализм, антикапитализм, антиурбанизм и антилиберализм»³.

Руководство партии большевиков изначально, придя к власти, не ставило задач по скорейшей коммунизации деревни на производственном уровне, сконцентрировавшись на процессе национализации земель всех форм собственности и создании крупных государственных аграрных предприятий. Этот принцип опирался на теоретические рассуждения марксистов о том, что на первом этапе пролетарской революции не были подготовлены условия для повсеместного утверждения коммуны как наивысшей формы производственного и общественного сотрудничества с ее главным лозунгом «Каждый по способностям, каждому по потребностям»⁴.

В противовес большевикам популярная в крестьянской среде партия левых социалистов-революционеров, наоборот, в рамках концепта о социализации деревни и ее основных материальных ресурсах (земля как «общенародное достояние») настаивала на всемерной поддержке самостоятельных коллективных хозяйств. Среди последних теоретики эсеров особо выделяли сельскохозяйственные коммуны, которые рассматривались в качестве высшей формы общины и любых производственных коллективов, возникающих в результате эволюционных процессов⁵.

В условиях необходимости укрепления политических и экономических позиций в деревне, активной агитации эсерами идеи коммуны и развивающегося с 1917 г. самостоятельного процесса возникновения коллективных хозяйств идеологи большевиков вынуждены были скорректировать свое представление о ближайших практических шагах государства в развитии аграрного сектора.

В результате возник компромиссный «Основной закон о социализации земли», утвержденный ВЦИК 27 января 1918 г., где впервые помимо закрепления идеи национализации земли и создания государственных предприятий (совхозов) была установлена всемерная поддержка коллективным хозяйствам (коммунам, артелям, ТОЗам)⁶. С весны–лета 1918 г. в российской деревне в рамках реализации

² Гордеева И.А. Общинный миф и общинный эксперимент в истории России XIX–XX вв. // Дюран Д. Коммунизм своими руками: Образ аграрных коммун в Советской России. СПб.: Изд-во Европейского Университета в Санкт-Петербурге, 2010. С. 23.

³ Там же. С. 46.

⁴ Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Полное собрание сочинений в пятидесяти пяти томах. М.: Политиздат, 1969. Т. 33. С. 94, 95.

⁵ Якимов Д.В. Аграрный вопрос в политике большевиков и левых социалистов-революционеров в феврале 1917 г. – июле 1918 г. (на материалах Саратовской губернии). Саратов: Саратовский государственный социально-экономический ун-т, 2008. С. 16.

⁶ Основной закон о социализации земли 27 января (9 февраля) 1918 г. // Декреты Советской власти. М.: Политиздат, 1957. С. 407–419.

большевистского проекта начался процесс насаждения коллективных хозяйств в форме коммун. Была создана нормативно-законодательная, организационная и материальная база для воплощения теории на практике. Экономической целью проекта явилось бесперебойное поступление сельскохозяйственной продукции, произведенной на крупных аграрных предприятиях.

Общественный и научный интерес к сельскохозяйственным трудовым коммунам появился с самого начала реализации проекта. В 1918–1920-е гг. преобладали работы агитационного⁷ или публицистического характера с разным уровнем лояльности к данным коллективам⁸. Среди них были и научные труды, созданные на основе добротных статистических и других опубликованных материалов⁹. В 1930 г. в рамках обоснования проведения массовой коллективизации вышло несколько работ, затрагивающих проблему использования труда женщин в колхозах¹⁰, преимущественно в производственном аспекте, но их гендерные роли в повседневности коллективов не рассматривались.

В дальнейшем, как в советской, так и современной российской историографии, коммунальное строительство кратко рассматривалось в работах по истории крестьянства и колхозного строительства¹¹, и лишь несколько специальных научных работ вышло в этот период по истории сельскохозяйственных коммун¹². Отдельного исследования по участию и роли женщин в коммунарском движении на данный момент не проводилось. Исключением является книга Д. Дюран, где данная тема выделена в отдельную главу «Женщины, семья и дети в коммуне»¹³. Некоторые факты из жизни женщин, связанные с новыми возможностями для них, заложенными в большевистском проекте по социализации деревни, мы можем

⁷ Дышлер П.Я. Как устраивать сельскохозяйственные коммуны. Петроград: [Б.и.], 1918; Бухарин Н.И. Азбука коммунизма: популярное объяснение программы Российской коммунистической партии большевиков. Пб.: Госиздат, 1920; Мецзяков Н.Л. Кооперация в Советской России. М.: Госиздат, 1922.

⁸ Ларин Ю. Советская деревня. М.: Изд-во Экономическая жизнь, 1925; Маслов С. Коллективно-земледельческое движение в современной России // Современные записки. 1922. С. 195–233. URL: <http://www.emigrantika.ru/bib/228-bookv> (Дата обращения 20.08.2018).

⁹ Васильев П.Г. Вопросы труда и организации капиталов в сельскохозяйственных коммунах (опыт с.-х. коммун Сибири). Новосибирск: Книгосоюз, 1928; Сельскохозяйственные коммуны по материалам обследования Московского высшего Кооперативного института в 1923 г. М.: Новая деревня, 1924.

¹⁰ Биценко А.А. Организация труда и женский труд в колхозах: Доклад на 1 Всесоюзном съезде колхозниц 24 дек. 1929 г. М.: Книгосоюз, 1930; Прудникова Е. Труд и быт в колхозах. М.: Книгосоюз, 1930; Рубцова М. Организация женского труда в колхозах. Воронеж: Коммуна, 1930.

¹¹ К истории возникновения сельскохозяйственных коммун и артелей в СССР (1918 г.) // Красный архив. Исторический журнал. № 4 (101). 1940. С. 122–148; Конюков И.А. Очерки о первых этапах развития коллективного земледелия 1917–1925 гг. М.: Сельхозгиз, 1949; Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX в. Устная история. Барнаул: БГПУ, 2008.

¹² Усатова А.Н. Аграрные преобразования и первые коммуны во Владимирской губернии. Владимир: Книж. изд-во, 1961; Гришаев В.В. Сельскохозяйственные коммуны Советской России. 1917–1929. М.: Мысль, 1976; Он же. История сельскохозяйственных коммун. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1986; Дюран Д.Д. Коммунизм своими руками: Образ аграрных коммун в Советской России. СПб.: Изд-во Европейского Университета в Санкт-Петербурге, 2010; Дианова Е.В. О сельскохозяйственных коммунах Олонейской губернии // Клио. № 2 (49). 2010. С. 81–83.

¹³ Дюран Д. Коммунизм своими руками... С. 157–178.

выявить в специальных исследованиях по изучаемому периоду¹⁴. Таким образом, анализ историографии показывает слабую изученность темы, что актуализирует данное исследование.

В статье предполагается рассмотреть причины и основные аспекты участия женщин-крестьянок в коммунаром движении в российской деревне в раннесоветский период, а также факторы, повлиявшие на этот процесс, на основе архивных и опубликованных источников. Исследование базируется на проектнои подходе¹⁵. Метод социального проектирования позволяет сформировать представление о явлении как опыте научного конструирования индивидом, группой или организацией системы параметров будущего социального объекта. Он дает возможность «пересмыслить перемены, произошедшие в российском обществе после Революции, взглянуть на них как на результат целенаправленной деятельности людей, движимых социалистической идеей, мифологически преломленной в их сознании»¹⁶. Он также помогает проследить применимость коммунистических идей к российской деревенской действительности 1917 – начала 1930-х гг., выявить результаты и естественные границы в реализации целенаправленной политики советского государства по повышению социального статуса женщин-крестьянок.

Причины вступления в сельскохозяйственные коммуны

Причины вступления в коллектив условно можно разделить на две группы: идеологические и экономические. Идеологические мотивы создания коммуны были доминирующими на этапе оформления ее идеального образа у тех, кто являлся непосредственными и сознательными организаторами процесса. Среди последних женщин было мало. Д. Дюран на основе публикации Л. Ксипашевой в журнале «Коллективист» в 1927 г. приводит данные о существовании на Северном Кавказе во второй половине 1920-х гг. тринадцати чисто женских коллективов, образованных вдовами красноармейцев и беднячками, обремененными семьями¹⁷. Но на основании приведенных данных сложно определить уровень их коммунистической идейности.

По архивным материалам нами была выявлена только одна коммуна, в создании которой главную роль сыграла женщина. Речь идет об Юго-Осокинской сельскохозяйственной коммуне «Красное знамя труда» Пермской губернии. Она была организована в марте 1921 г. под руководством секретаря райкома РКП(б) Ивановой Татьяны Иоси-

¹⁴ Панкова-Козочкина Т.В. Работники сельских советов 1920-х годов: номенклатурные подходы большевиков и социальные требования крестьянства (на материалах юга России) // *Российская история*. 2011. № 6. С. 136–145; Хасбулатова О.А. Технологии создания мифа о равноправии полов: советские практики // *Женщина в российском обществе*. 2018. № 4. С. 49–59.

¹⁵ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медум, 1995; Горбачев О.В. Теории конструирования социальной реальности в XX веке и советский проект // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практики. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2016. С. 29–49.

¹⁶ Мазур Л.Н. Раннесоветское общество как социальный проект: методологические подходы к изучению истории России в 1917–1936 годах // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практики. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2016. С. 9, 14.

¹⁷ Дюран Д. Коммунизм своими руками: Образ аграрных коммун в Советской России... С. 162.

фовны (24 года, местная, замужем (муж 27 лет, родом из Псковской губернии, слесарь по профессии, отслуживший в рядах Красной Армии), помимо общественной деятельности, она также, согласно документам, выполняла функцию главы семьи).

В состав коммуны вошли 16 семей, 7 из которых возглавляли женщины в возрасте от 20–27 лет. Также, как и Татьяна Иосифовна, это были женщины, сознательно или вынужденно занимавшие активную жизненную позицию, позволившую им стать главой семейства и написать заявление в коммуну. Укажем их имена и социальный статус: Станевская Антония Адамовна, 20 лет, родом из г. Варшавы, секретарь ячейки РКП(б); Рожнева Полинария Ивановна, 22 года, Пермская губерния, грамотная, сестра милосердия; Заскокина Зоя Петровна, 24 года, Уфимская губерния, работница среди женщин, сиделка, на попечении сестра 19 лет; Калабина Елизавета Лукьяновна, 24 года, Пермская губерния, волостной организатор среди женщин; Золотова Берта Густовна, 27 лет, Эстония, волостной уполномоченный Упродкома, на попечении – мать и сын 6 лет; Красильникова Мария Ивановна, 22 года, Пензенская губерния. Все они указаны как занимающиеся до октября 1917 г. сельским хозяйством, кроме Золотовой, у которой сферой деятельности в этот же период было домашнее хозяйство¹⁸.

Отметим, что данная сельскохозяйственная коммуна явилась обычным примером коллектива с нетипичным составом активной группы, организованного в начальный период реализации коммунистического проекта пришлым населением и местной властью, с одновременным присутствием у них идеологических и экономических мотивов. Последние были представлены у основного состава рядовых членов как реакция на неблагоприятную макро- и микроэкономическую ситуацию. К этому добавим, что центральная власть в условиях снижения численности коммун к 1920–1921 гг. активно поддерживала партийные ячейки в подобных начинаниях.

Заметим, что Юго-Осокинская сельскохозяйственная коммуна, несмотря на такой представительный состав из числа партийных и государственных деятелей, просуществовала несколько месяцев исключительно на бумаге и, согласно протоколу землемера Пермского губернского земельного отдела от 20 мая 1921 г., так и не приступила к сельскохозяйственным работам на выделенном участке («из членов ... никого не оказалось»)¹⁹.

Тем не менее, это – показательный пример начала постепенного изменения положения женщин и расширения их возможностей в обществе в результате последствий мировой и гражданской войн, и, главным образом, посредством поддержки государственной властью любых их начинаний.

В отличие от актива сельскохозяйственных коммун, где женщин фактически не было, в составе коллективов они составляли около половины от общей численности. Приведем в пример данные по Курской губернии весны 1919 г.: в коммуне «Братство» было 26 трудоспособных мужчин и 27 трудоспособных женщин; в коммуне «Новый свет» – 31 и 25 соответственно; в коммуне «Луч» – 9 и 9; в коммуне имени К. Маркса – 8 и 11; в коммуне «Рассвет» – 17 и 14²⁰.

¹⁸ Государственный архив Пермского края (далее – ГАПК). Ф. Р-367. Оп. 1. Д. 146. Л. 2.

¹⁹ ГАПК. Ф. Р-367. Оп. 1. Д. 146. Л. 13.

²⁰ Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 478. Оп. 4. Д. 112. Л. 11, 27; Д. 109. Л. 8, 15, 22.

Стоит предположить, что в условиях декларируемого равенства и справедливости в рамках устава коллективов, гражданской войны и восстановительного периода женщины сыграли важную роль в жизни коммун. Этот тезис подтверждается тем, что, согласно мнению как самих коммунаров, так и различных инспекторов по линии партии большевиков, многие коммуны распались из-за «несогласия женщин в коллективах» (сведения из Нижегородского уезда 1919 г.)²¹.

Необходимо выделить три этапа существования сельскохозяйственных трудовых коммун в деревне, в ходе которых причины участия и мотивации женщин, входивших в коллектив, имели некоторые отличия: 1) вторая половина 1917 г. – 1919 г.; 2) 1920/1921 гг.– 1924/1925 гг.; 3) 1926/1927 гг. – начало 1930-х гг.

На первом этапе коммуны формировались преимущественно в центре и на юге из числа пришедшего и/или имеющего некрестьянский опыт населения. Процесс создания характеризовался хаотичностью: в состав включались все желающие (особенно это касалось крупных коллективов на бывших помещичьих землях), участие традиционного крестьянства также имело место, но носило вторичный характер (в качестве рядовых членов и/или в рамках микрокоммун, которые очень быстро распались или ликвидировались).

В этот период в условиях сохранения в деревне устойчивости традиционного брака и семейных отношений женщины-крестьянки вступали в коммуну в основном вместе со своими мужьями вне зависимости от мотивов последних. Согласно сведениям современников и архивным материалам, желание принимать ими коллективный образ жизни и уровень революционной сознательности были минимальными.

В заявлениях женщин, относящихся к следующему этапу, но демонстрирующих аналогичную ситуацию, также прослеживается их личное нежелание вступать в коллектив. «Хотя я писалась в упомянутую коммуну но все же таки по предложению моего мужа с которым не желала сделать распри и неудовольствия» (Заявление Зиновии Трифоновны Семериковой 6 апреля 1921 г. в коммуну «Красный Луч» Буткинской волости Камышловского уезда). «Состоя членом коммуны со дня организации таковой. Муж мой Михаил Берсенева насильно втащил вписать в коммуну меня» (Заявление Анны Берсеновой 9 апреля 1921 г. в ту же коммуну). «Я входила в коммуну не по своему желанию а по приказанию мужа» (Заявление Агафьи Черновой 3 сентября 1921 г. в коммуну «Энергия» Смоленской волости Шадринского уезда)²².

С 1920 г. ситуация пополнилась противоположными примерами, отражавшими новые реалии в жизни деревни. Самостоятельность женщин по принятию решения о вступлении в коммуну заметно возросла. Примером служит заявление в коммуну «Энергия» Смоленской волости Шадринского уезда в декабре 1920 г. от Аксеньи Поротниковой: «Товарищи коммунары я коммунистическую жизнь признаю справедливой и желаю отказаться от частной собственности и прошу

²¹ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 8. Л. 65.

²² Государственный архив в г. Шадринск (далее – ГА в г. Шадринск). Ф. Р-171. Оп. 1. Д. 147. Л. 53а, 54; Д. 150. Л. 17. Здесь и далее орфография источника сохранена – *О.С.*

принять меня в вашу семью. К сему прилагаю список моей семьи и имущества: семья из 3-х членов: я – 25 лет, сын Иван 4 года, сын Кузьма 6 месяцев; изба с сеньями, корова, гусиха»²³.

Приведем еще одно документальное свидетельство из протокола коммуны «Восток» Житниковской волости Шадринского уезда от 4 января 1921 г., где представлено новое явление в деревенской жизни – идеологическая готовность молодой крестьянки к строительству «светлого будущего» без учета позиции мужа: «Слушали: заявление гражданки Житниковской волости Александры Азановой. Объяснила, что идет одна без мужа. Муж мой саботажит и идет по ступеням советской власти. Постановили: принять единогласно»²⁴.

Причины роста с 1920–1921 гг. заявлений от женщин были связаны с тем, что организация коммун происходила на территориях, где к тому времени завершились или периодически возобновлялись боевые действия и которые были затронуты неурожаями и голодом. Все вместе – мобилизация, смерть, ранения, инвалидность мужей еще и при наличии малолетних детей – вынуждали женщин искать варианты выхода из кризисной ситуации. Вступление в коммуну (в уставе которой было закреплено равное право для всех членов на распределение имеющихся ресурсов) предоставляло больше шансов на сохранение жизни для всех поколений семьи. Кроме того, коммуна была привлекательна для беженцев и наиболее неблагополучных категорий сельского населения (сирот, асоциальных личностей, деревенских изгоев).

Хотя в последнем случае ситуация была неоднозначной. Если коммуна создавалась преимущественно местного крестьянского населения близлежащих поселений, то вместе с ним в коллектив проникали традиционные представления о совместном проживании и нормах морали. Как следствие, заложенные в концепт «коммуна» (разработанный в рамках большевистского проекта социализации деревни) принципы жизнедеятельности на низовом уровне претерпевали существенные изменения.

В представлении крестьян равенство могло присутствовать только между теми, кто признает одинаковые нормы поведения, а также действует в соответствии с крестьянскими традициями, в том числе хозяйственными. В результате были случаи, когда заявления женщин о вступлении в сельскохозяйственную коммуну отклонялись. Например, на заявлении Веры Дмитриевны Батаниной из с. Смолинского в коммуну «Энергия» Смолинской волости Шадринского уезда («Желаю к вам вступить в единую семью с детьми. Детей двое 7 лет 4х лет а если меня не примите хотя моих детей примите») 24 сентября 1921 г. была поставлена следующая виза: «Отказать ... занимающуюся проституцией ... а дети не принимаются в виду отказа подотдела снабжения от государственной помощи детям»²⁵.

Но нужно понимать, что число желающих в соотношении с общей численностью населения на первых этапах создания трудовых коммун было незначи-

²³ ГА в г. Шадринск. Д. 150. Л. 2.

²⁴ Там же. Д. 125. Л. 126.

²⁵ Там же. Д. 150. Л. 33.

тельным. Поэтому большинство из подававших заявление принимались в состав. В отношении женщин, которые выражали желание вступить в коллектив, но не отличались соблюдением традиционных морально-нравственных принципов в семейной жизни, чаще всего принималось положительное решение, но на условиях компромисса (например, «было взято честное слово что она исправит свое поведение и будет жить со своим законным мужем»²⁶). Но впоследствии в коммунах рано или поздно начиналась борьба между теми, кто придерживался патриархальных устоев, и теми, кто был не против принципа свободных половых отношений. Где-то это проявилось в том, что «члены коммуны – члены РКБ(б) по три раза женились и разводились, причем старые жены с детьми из коммуны исключались, а новые, также с детьми – зачислялись»²⁷. Причем к осуждению (вплоть до исключения) коллективом коммуны подобного мужского поведения такая ситуация чаще всего не приводила.

В другом случае на общих собраниях одерживала вверх традиционная точка зрения, и свободные гендерные отношения активно осуждались. Так решением общего собрания коммуны «Красный орел» Катайской волости Камышловского уезда 2 октября 1921 г. было установлено «объявить всей молодежи и если будут замечены проституции то их необходимо изолировать»²⁸.

Под последним подразумевалось исключение из коммуны. Приведем в качестве примера ситуацию с Марией Семериковой, членом уже упоминавшейся коммуны «Энергия» Шадринского уезда. Женщина была замужем, имела троих детей. Согласно письму совета коммуны в Шадринский уездный союз колхозов от 21 июля 1921 г., в январе 1921 г. она подала заявление на вступление в коллектив, при этом ее муж возражать не стал, так как «имел физический недостаток – глухоту, был слабохарактерен и не имел абсолютно никакой власти на жену». Вопрос о принятии в коммуны не был решен автоматически, так как репутация женщины не была идеальной (по слухам «за спиной мужа и даже явно при нем вела распутную жизнь»), тем не менее, она была принята с условием, что будет вести достойный образ жизни²⁹.

Из этого документа также следовало, что примерно через две недели после переезда Марии стали ходить слухи, что она «стала развращать молодежь коммуны расточая ласки направо и налево». Руководством коммуны она была предупреждена, что может быть исключена в случае повторения информации, на что М. Семерикова ответила: «...Не живу с мужем 15 лет и буду иметь 10 мужей, а вам до меня никакого дела нет... Если вы меня выключите за мной пол коммуны выйдет, а остальные все вшами расползутся». В результате ее все-таки исключили в апреле 1921 г.: «за разврат без удовлетворения имуществом а детей оставить при коллективе». Решение было ускорено в силу того, что после нападения на коммуны «коллективу пришлось отступать от восставших белобандитов».

²⁶ ГА в г. Шадринск. Д. 150. Л. 44–44 об.

²⁷ Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее – ЦДОСО). Ф. 4. Оп. 2. Д. 148. Л. 68 об.

²⁸ ГА в г. Шадринск. Ф. Р-171. Оп. 1. Д. 139. Л. 137

²⁹ Там же. Д. 150. Л. 44–44 об.

Советом коммуны сообщалось следующее: «При отступлении несмотря на просьбы мужа Мария Семерикова оставила его в деревне а сама утнала в отступление. Семериков Федор (муж) был пойман и убит. По возвращении Мария опустила в абсолютный разврат и стала принимать к себе на дому по несколько мужчин в ночь. Коллектив “голосом ревел” и требовал исключить ее. На общем собрании в апреле месяце был установлен факт разврата»³⁰.

Сложно сказать на основе имеющихся данных, соответствовало ли истинное поведение Марии Семериковой приведенным сведениям. Ведь по факту был подтвержден только один случай, да и тот не описан. Про трудовую деятельность вообще ничего не сказано, но то, что позднее ей было предложено вернуться в коммуну (но она отказалась), и как она уверенно отвечала на все нападки, говорит о неоднозначности сложившейся ситуации и прямом столкновения «старого» и «нового». Скорее всего, женщина пыталась в условиях личной трагедии (драмы) в семье (муж-инвалид, отсутствие близких с ним отношений) построить новую счастливую жизнь. Но в рамках крестьянского патриархального сообщества это не соответствовало нормам и правилам, что вызывало острую реакцию и открытую борьбу.

Наличие нескольких смысловых конструктов в ситуации: в том числе возможность М. Семериковой повлиять на решения местной власти в отношении коммуны через неформальные контакты (по слухам «жила с продотрядщиками») сформировали и нестандартное отношение к ее детям. Когда дети заявили о выходе их коммуны («с уходом их матери некому было их обслуживать, то есть стирать белье и чинить ветхую одежду»), им выдали лошадь, белье и обувь (очень ценные ресурсы в условиях завершения гражданской войны), что не соответствовало уставу сельскохозяйственной трудовой коммуны. Тем не менее, итог был в пользу крестьянского сообщества – женщина вместе с детьми оказалась за его пределами, лишившись при этом значительной части вложенного имущества: «в коммуну сдано 3 лошади, 1 корова, 1 теленок, сабан, борона и др.»³¹.

Равенство прав на вступление в коммуну также подвергалось сомнению и в том случае, если женщины являлись женами красноармейцев. Так, на общем собрании коммуны «Восток» Шадринского уезда 13 января 1921 г. было принято следующее решение: «В случае вступления жен красноармейцев не принимать пока от него не будет точного [ответа – О.С.]»³². Последнее обстоятельство было вызвано ситуацией, когда красноармеец по возвращении домой, не пожелав вступить в коллектив, требовал, чтобы ему отдали имущество, внесенное к этому времени его женой в коммуну. Согласно уставу данных коллективов, выбывшие имели право только на личные вещи, находящиеся «в их исключительном пользовании»³³, остальные материальные ресурсы оставались в коммуне. Но по кре-

³⁰ ГА в г. Шадринск. Д. 150. Л. 44 об. – 45.

³¹ Там же. Ф. Р-171. Оп. 1. Д. 150. Л. 44–45 об.

³² Там же. Д. 125. Л. 14 об.

³³ Примерный устав трудовой земледельческой коммуны, утвержденный Наркомземом 21 июля 1918 г. // Аграрная политика советской власти (1917–1918 гг.). Документы и материалы. М.: Изд-во академии наук СССР, 1954. С. 401.

стьянской традиции домохозяином считался мужчина как глава семьи, и только он имел право распоряжения имуществом, да и советская власть выделяла бывших красноармейцев в особую категорию с привилегированным статусом. В результате коммунам приходилось нарушать устав и возвращать имущество (по решению местных властей или суда). Приведем в пример заявление Сидорова Порфирия Григорьевича, которое поступило в коммуну «Энергия» Смоленской волости Шадринского уезда 26 июля 1921 г.: «В начале июля месяца сего года я возвратился домой из рядов Красной Армии в бессрочный отпуск. Дома я узнал, что моя жена Александра Ивановна Сидорова вступила в члены вашей коммуны; без моего ведома передала вам в коммуну все движимое и недвижимое имущество, лошадь, корову, которое принадлежит мне и должно принадлежать мне». Виза на заявления гласит: «Возвратить через суд, так как изба была зарегистрирована»³⁴.

Жизнь и деятельность в коллективе

В рамках жизнедеятельности сельскохозяйственных коммун необходимо выделить категории женщин, вступавших в коллективы. Это были незамужние девушки, самостоятельно или с семьями вошедшие в коллектив, замужние с детьми или без них, вдовы, потерявшие мужей до вступления в коммуну или в период жизни в ней (чаще всего в результате организованных нападений антикоммунистических сил).

Добавим, что на последнем этапе существования коммун среди первой категории в значительном количестве присутствовали девушки, которые получили образование уже в советской школе с высоким уровнем идеологической работы, в том числе в рамках пионерской и комсомольской организаций. Это повлияло как на укрепление коммунистической сознательности и трудовой дисциплины в коммунах, так и на усиление поляризации деревни в период коллективизации.

У каждой категории был свой путь и свои возможности в рамках устава сельскохозяйственной трудовой коммуны, дополненные традиционными отношениями к ним крестьянского мира. Тем не менее, общими для всех явились сложности перехода как на коллективное хозяйство, так и на общий быт.

Относительно совместного труда, предусмотренного уставом, коммуны постепенно выработали наиболее оптимальные принципы, которые в полной мере не соответствовали теории равенства, но обеспечивали стабильность производственного цикла, что было позднее зафиксировано в законодательстве. Например, в Нормальном уставе сельскохозяйственных коммун 1919 г. было установлено: «Отдельным членам коммуны должна, по возможности, предоставляться такая работа, которая соответствует состоянию их здоровья, навыкам и способностям в соответствии с основными задачами хозяйства коммуны»³⁵. На практике это проявлялось в повсеместном использовании традиционного гендерного принципа распределения работ. Подготовка, уборка по дому, изготовление домашней ткани

³⁴ ГА в г. Шадринск. Ф. Р-171. Оп. 1. Д. 150. Л. 38.

³⁵ Нормальный устав сельскохозяйственных производительных коммун, утвержденный Наркомземом 19 февраля 1919 г. // Аграрная политика советской власти (1917–1918 гг.). Документы и материалы. М.: Изд-во академии наук СССР, 1954. С. 438.

и шитье одежды, огород, присмотр за детьми, уход за животными оказались в обязанностях женщин (хотя и на полевых работах при недостатке мужчин они также участвовали). В протоколах общих собраний это объяснялось необходимостью применить половозрастные хозяйственные навыки для эффективной работы коллектива. Но в каждодневной деятельности это распределение без идеологической сознательности и готовности к принятию новых форм подчинения в рамках декларируемого равенства («на основании того уважения, которое каждая зарабатывала в группе коммунаров своими способностями и умениями»³⁶) приводило часто к склокам и раздорам. А если это было дополнено нехваткой материальных ресурсов, формированием новой управленческой иерархии, использованием должностного положения во внутренних хозяйственных вопросах коммуны или личностными мотивами, то избежать кризиса в коллективе было невозможно. Это заканчивалось постоянными выходами, а иногда и ликвидацией всего хозяйства. При этом в архивных источниках отмечается значительная роль женщин в формировании морально-психологического климата в коллективе.

Приведем в качестве примера ситуацию, сложившуюся в коммуне «Энергия» Шадринского уезда между двумя семьями Чусовитиных и Жлудовых. Борьба внутри коллектива, начавшаяся как склока между двумя женщинами, показала наличие внутренних противоречий в управлении и жизни и в итоге завершилась развалом коммуны в марте 1922 г. после принятия Акта ликвидации сельскохозяйственной трудовой коммуны «Энергия»³⁷.

Сначала в марте 1921 г. в совет коммуны поступило заявление Арины Ив. Жлудовой (которое было удовлетворено): «Прошу Вас товарищи принять во внимание исключить меня из коммуны. Причина моя, та, что нет возможности жить в коммуне из-за дряг разного рода. Из-за личных счетов т. Чусовитиной». 5 апреля было удовлетворено и заявление самой Ирины Чусовитиной: «Прошу исключить меня из списков коммуны, так как я хочу жить одна».

Хотя своих детей последняя оставила в коммуне и забрала их через новое заявление 30 июля 1921 г., но 24 августа написала еще одно заявление, уже на возврат в коммуну вместе с детьми, на которое также была наложена положительная резолюция. Обычно такая практика отсутствовала (если и принимали обратно, то мужчин или полные семьи). Нам видится, что важную роль в этом сыграл член совета коммуны Варлам Чусовитин (степень родства по имеющимся в архивном деле документам определить не представилось возможным) и, скорее всего, в данном межличностном конфликте переплелись хозяйственные и личностные мотивы³⁸.

Из других отложившихся документов становится понятно, что между Чусовитиными и Жлудовыми действительно имелись серьезные разногласия. Так, в заявлении на выход и затем при опросе на общем собрании Филипп Жлудов указал на использование авторитарных принципов управления в коммуне со стороны Чу-

³⁶ Дюран Д. Коммунизм своими руками: Образ аграрных коммун в Советской России... С. 165.

³⁷ ГА в г. Шадринск. Ф. Р-171. Оп. 1. Д. 36. Л. 20.

³⁸ Там же. Оп. 1. Д. 150. Л. 5, 8, 25, 28.

совитина («опрошенный товарищ Жлудов заявил, что члены коммуны допускали самостоятельные действия в деле управления хозяйством, а именно в частности т. Чусовитин («зав. транспортом» – *О.С.*) допускал мену лошадьми и коровами») и на нежелание совета коммуны выносить на обсуждение спорные вопросы для их разрешения («но я заявил что разобрать наши [конфликты – *О.С.*] меня же и охармали я етова не заслуживал»).

В результате именно женщины не выдержали напряженного противостояния и приняли решение о выходе. Как следствие – это повлияло и на позицию их семей. В частности, Жлудов также написал заявление на выход, несмотря на то, что это лишало семью всего внесенного имущества. В нем, в частности, говорилось: «Так как жена мая не хотела жить одной семьей как раньше не желавшая. Не желая нарушать ее семейной жизни я вышел из коммуны вместе со своей женой»³⁹. Заметим, что под «одной семьей» в последней цитате подразумевалась именно сельскохозяйственная коммуна (а не брачные отношения), которая на низовом уровне воспринималась традиционной большой крестьянской производственной ячейкой (это определение было стандартным в заявлениях и протоколах общих собраний коммун Шадринского уезда).

Последний пример не являлся исключением. Замужняя женщина в изучаемый период занимает не только традиционное место в патриархальной крестьянской семье. Некоторые из них начинают воспринимать себя личностью, имеющей право принимать собственные решения относительно своей жизни и жизни своих детей, хотя по-прежнему социальный статус для большинства из них был важен, что способствовало тому, что женщины старались сохранить брак, а в случае вступления или выхода из коммуны – попытаться повлиять и на решение мужа. Так, 18 июля 1921 г. на собрании членов коммуны «Энергия» Шадринского уезда слушали следующие вопросы: «1) об уходе Афанасия Баева из коллектива в виду ухода его жены без которой он в коллективе жить не может; 2) о выходе Тельминова Ивана в виду того что его семья отказалась идти в коммуны»⁴⁰.

При переходе некоторых сельскохозяйственных коммун во второй половине 1920-х гг. на хозрасчет появились новые реалии, которые вызывали дополнительное напряжение в межличностных отношениях и, как следствие, системный кризис. Например, в публикациях журнала «Коллективист» была представлена ситуация, связанная с высокими ставками по заработной плате для «начальства» и «спецов», что вело к тому, что их жены находились на иждивении и мало или вовсе не участвовали в общей работе. Авторы статей с возмущением писали: «Им не нужно было зарабатывать, потому что достаточно заработали их мужья. На таких женщин косо смотрят простые коммунары, как и на тех, кто “отделяется от массы”: получая на государственной или общественной службе жалованье, не вносят его в общий фонд целиком, а тратят на себя»⁴¹. В условиях появления этого нового неравенства и одновременно низкого уровня благосостояния большинства комму-

³⁹ ГА в г. Шадринск. Ф. Р-171. Оп. 1. Д. 150. Л. 16, 18, 42 об.

⁴⁰ Там же. Л. 40.

⁴¹ Цит. по: *Дюран Д.* Коммунизм своими руками: Образ аграрных коммун в Советской России... С. 109.

наров данный факт становился поводом для рассмотрения на общем собрании вопроса о возвращении к принципам революционного равенства и справедливости, заложенных в первых утвержденных уставах 1918 – первой половины 1920-х гг.

Наиболее сложными аспектами в рамках реализации большевистского коммунистического проекта в деревне стали общий быт, обобществление и распределение материальных ресурсов, семейный и детский вопросы, то есть то, что непосредственно касалось в большей степени именно женской части коммуны.

Позиция женщины считалась важной в развитии коллектива. Так, представитель коммуны «Незаможник» Запорожского округа в 1925 г. утверждал: «Жена определяет настроение коммуны. Жены в хорошем настроении – коммуна хорошая. Жены в плохом настроении и у нас плохо. Выход один – поднять культурный уровень. Мы ввели правило, что ни один муж не имеет право защищать свою жену. Это не жена, а это член коммуны и были случаи, когда мы постановляли жену исключить из коммуны, а мужа оставить. Выбирай одно из двух: или иди за своей женой, или за коммуной. ... Женщины знают, что если они проштрафятся, то отвечают сами»⁴². Конечно, все это желание соответствовать идеальному представлению о коммуне оставалось лишь на бумаге. Мужчины часто уходили вслед за женами.

Непросто обстоял вопрос с организацией общественного питания. Если были преодолены все сложности постройки кухни и столовой (либо они имелись изначально в рамках бывших помещичьих имений), то на первый план выходили вопросы, связанные с готовкой и распределением обязанностей⁴³. С одной стороны, приготовление пищи на значительное количество человек вызывало необходимость изначально освоить эту деятельность, а затем ввести ее в ежедневную практику. Не все к этому были готовы, да и соблюдение очередности чаще всего не улучшало ситуацию. Решали вопрос по-разному: закрепляли эту функцию за конкретной женщиной, распределяли продукты и возвращались к семейному питанию, осуществляли найм специалиста. С другой стороны, субъективное отношение коммунаров к вопросу (к личности поварихи, качеству приготовления и санитарным условиям) также требовало времени и выработки правил для решения. На третьем этапе существования коммун уже был наработан опыт совместного питания и столовые являлись повседневной нормой в жизни коммун.

Много вопросов возникало при обобществлении и распределении ресурсов. Если хозяйственное имущество при вступлении в коммуну передавалось согласно уставу полностью, то личные вещи оставались в собственности.

В условиях острой нехватки в деревне одежды и обуви, особенно в первые годы существования коммун, в наиболее бедных коллективах было правило «общего сундука/ларя», в смешанных – обобществлению подвергались только излишки. Но и последняя практика создавала эмоционально напряженную обстановку.

⁴² Труды Первого Всесоюзного совещания сельскохозяйственных коллективов (коммун, артелей и товариществ по общественной обработке земли) 26 февраля – 6 марта 1925. М.: [Б.и.], 1925. С. 34.

⁴³ Семерикова О.М. Границы в реализации большевистского проекта «сельскохозяйственная трудовая коммуна» в раннесоветский период // Российское крестьянство и сельское хозяйство в контексте региональной истории: материалы VII Всероссийской (XV региональной) с международным участием конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Йошкар-Ола, 23–24 мая 2018 г.). Йошкар-Ола: Изд-во Марийского ГУ, 2018. С. 399–400.

Д. Дюран пишет: «Не нужно быть очень проницательным, чтобы догадаться, как они – например, жены рабочих, прибывших из города и влившихся в коммуны, – отнеслись бы, скажем, к попытке коллективизации одежды»⁴⁴.

Принцип равенства при распределении, по свидетельству современников, также сложно было реализовать. Относительно сибирских коммун в 1929 г. отмечалось: «Всех наделить в достаточном количестве было трудно, и со стороны неполучивших выражались недовольство и зависть. Иногда, особенно среди женщин, появлялось недовольство по поводу качества, даже рисунка материала: одной нужно в полоску, другой в клеточку»⁴⁵. Отметим, что к последнему пассажиру стоит отнестись критически в соответствии со временем публикации и территориальными рамками (речь идет о начале массовой коллективизации с задачей на агитацию перехода к артельному производству и большим объемом ресурсов, поступивших в коммуны от раскулаченных).

Женщины особенно остро реагировали на выдачу продуктов питания и необходимых вещей для своих детей. С целью предотвращения конфликтов коммуны создавали дошкольные учреждения за свой счет (что отличало их от артелей и ТОЗов) или отдавали детей на государственное обеспечение. Из коммуны «Незаможник» Запорожского округа в 1925 г. сообщали: «Дети имеют колоссальное значение и часто из-за них начинается склока. Необходимо детей поставить в такие условия, при которых они находились бы в лучших условиях, чем если бы они оставались у отдельных коммунарок. Когда дети находятся в лучших материальных условиях, то никаких разговоров нет. У нас все дети от 5-летнего возраста находятся в детском доме, который имеется при коммуне, где воспитатели»⁴⁶.

Но здесь возникали другие проблемы: отрыв детей от взрослых разрушал единство и традиционные семейные ценности, на что многие женщины не были готовы. С другой стороны, для сирот и детей из неполных семей это была возможность выжить и пройти этапы социализации при поддержке коллектива.

Степень участия женщин в организационной деятельности коммун была разной. Общими характеристиками этого аспекта явились постепенный рост привлечения женщин к управленческим функциям при традиционном доминировании мужчин.

Согласно данным А.А. Биценко по 37 обследованным коммунам РСФСР, в 1926–1927 гг. в руководстве коммун было 6,3 % женщин, в 1927–1928 – 9,9 %⁴⁷, но это было выше, чем в коллективных хозяйствах других форм. Доминирование было обусловлено реализуемым уставным принципом равенства, в том числе и гендерным, созданием новых учреждений (детские ясли и интернаты, общие столовые) и школ, и более высоким уровнем идеологической работы именно в сельскохозяйственных коммунах. Например, коммуна «Марс» Нытвенского района Пермского округа в конце лета 1924 г. отправила Дедову Клавдию Александровну в Москву

⁴⁴ Дюран Д. Коммунизм своими руками: Образ аграрных коммун в Советской России... С. 166.

⁴⁵ Васильев П. Г. Вопросы труда и организации капиталов в сельскохозяйственных коммунах... С. 24.

⁴⁶ Труды Первого Всесоюзного совещания сельскохозяйственных коллективов... С. 34–35.

⁴⁷ Дюран Д. Коммунизм своими руками: Образ аграрных коммун в Советской России... С. 163.

«для приобретения трактора», 4 сентября она сообщила общему собранию о результатах поездки⁴⁸. Также управленческие функции обычно делегировались в животноводстве, организации дошкольного и школьного воспитания и прочем.

Выводы

Таким образом, стоит заключить, что большинство женщин-крестьянок при вступлении в сельскохозяйственную коммуну (как вместе с мужем, так и самостоятельно) преследовали в основном прагматические цели, и их представления о своем месте в семье и социуме в массе своей не менялись или менялись очень медленно. Те из них, кто пытался по своему усмотрению выстроить личную жизнь, не обращая внимания на патриархальные устои, подвергались остракизму и чаще всего были вынуждены покинуть коммуну, лишившись вложенного имущества. Гендерное равенство так и осталось идеальным теоретическим конструктом.

Иное значение имело пространство коммуны для детей. Именно они в полной мере впитывали новые коммунистические идеи, новые смыслы производственного процесса, в том числе, согласно мнению Т. К. Щегловой, через «перенесение оценки благополучия с результатов труда <...> на моральные факторы». Так, например, в воспоминаниях детей коммунаров Сибири присутствует следующая оценка жизни в коллективе: «Энергии было много, такие веселые, жизнерадостные. Мама будит нас утром: вставайте, девчонки, в столовую. Завтракать, обедать, ужинать ходили в столовую коммунарскую»⁴⁹. В результате на последнем этапе существования сельскохозяйственных трудовых коммун «уровень идеологической сознательности» крестьянских женщин повысился за счет включения в процесс этой новой советской молодежи.

Труд женщин на всем протяжении существования коммун использовался в традиционных сферах хозяйства в соответствии с нормами крестьянской жизни, а управленческие функции делегировались в незначительном масштабе. Тем не менее, новая власть на доктринальном уровне широко поддержала идею женской эмансипации, что, действительно, повысило возможности последних в получении образования и самореализации.

© Семерикова О.М., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Рукопись поступила: 15 февраля 2019 г.

Submitted: 15 February 2019

Библиографический список

- Аграрная политика советской власти (1917–1918 гг.). Документы и материалы / Сост. И.И. Варжо. М.: Изд-во акад. наук СССР, 1954. С. 401.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Меднум, 1995.

⁴⁸ ГАПК. Ф. Р-104. Оп. 1 Д. 86. Л. 14.

⁴⁹ Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX в. Устная история... С. 151.

- Биценко А.А.* Сельскохозяйственные коммуны по материалам обследования Московского высшего Кооперативного института в 1923 г. М.: Новая деревня, 1924.
- Биценко А.А.* Организация труда и женский труд в колхозах: Доклад на 1 Всесоюзном съезде колхозниц 24 дек. 1929 г. М.: Книгосоюз, 1930.
- Бухарин Н.И.* Азбука коммунизма: популярное объяснение программы Российской коммунистической партии большевиков. Пб.: Гос. изд-во, 1920.
- Васильев П.Г.* Вопросы труда и организации капиталов в сельскохозяйственных коммунах (опыт с.-х. коммун Сибири). Новосибирск: Книгосоюз, 1928.
- Горбачев О.В.* Теории конструирования социальной реальности в XX веке и советский проект // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практики. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2016. С. 29–49.
- Гордеева И.А.* Общинный миф и общинный эксперимент в истории России XIX–XX вв. // Дюран Д. Коммунизм своими руками: Образ аграрных коммун в Советской России. СПб.: Изд-во Европейского Университета в Санкт-Петербурге, 2010. С. 7–74.
- Гришаев В.В.* Сельскохозяйственные коммуны Советской России. 1917–1929. М.: Мысль, 1976.
- Гришаев В.В.* История сельскохозяйственных коммун. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1986.
- Дианова Е.В.* О сельскохозяйственных коммунах Олонечкой губернии // Клио. № 2 (49). 2010. С. 81–83.
- Дышлер П.Я.* Как устраивать сельскохозяйственные коммуны. Петроград: [Б.и.], 1918.
- Дюран Д.Д.* Коммунизм своими руками: Образ аграрных коммун в Советской России. СПб.: Изд-во Европейского Университета в Санкт-Петербурге, 2010.
- Конюков И.А.* Очерки о первых этапах развития коллективного земледелия 1917–1925 гг. М.: Сельхозгиз, 1949.
- Ларин Ю.* Советская деревня. М.: Изд-во Экономическая жизнь, 1925.
- Ленин В.И.* Полное собрание сочинений в пятидесяти пяти томах. М.: Политиздат, 1969.
- Мазур Л.Н.* Раннесоветское общество как социальный проект: методологические подходы к изучению истории России в 1917–1936 годах // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практики. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2016. С. 7–28.
- Маслов С.* Коллективно-земледельческое движение в современной России // Современные записки. 1922. С. 195–233.
- Мецгеряков Н.Л.* Кооперация в Советской России. М.: Гос. изд-во, 1922.
- Панкова-Козочкина Т.В.* Работники сельских советов 1920-х годов: номенклатурные подходы большевиков и социальные требования крестьянства (на материалах юга России) // Российская история. 2011. № 6. С. 136–145.
- Прудникова Е.* Труд и быт в колхозах. М.: Книгосоюз, 1930.
- Рубцова М.* Организация женского труда в колхозах. Воронеж: Коммуна, 1930.
- Семерикова О.М.* Границы в реализации большевистского проекта «сельскохозяйственная трудовая коммуна» в раннесоветский период // Российское крестьянство и сельское хозяйство в контексте региональной истории: материалы VII Всероссийской (XV региональной) с международным участием конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Йошкар-Ола, 23–24 мая 2018 г.). Йошкар-Ола: Изд-во Марийского ГУ, 2018. С. 395–402.
- Усатова А.Н.* Аграрные преобразования и первые коммуны во Владимирской губернии Владимир: Книж. изд-во, 1961.
- Хасбулатова О.А.* Технологии создания мифа о равноправии полов: советские практики // Женщина в российском обществе. 2018. № 4. С. 49–59.
- Щеглова Т.К.* Деревня и крестьянство Алтайского края в XX в. Устная история. Барнаул: БГПУ, 2008.
- Якимов Д.В.* Аграрный вопрос в политике большевиков и левых социалистов-революционеров в феврале 1917 г. – июле 1918 г. (на материалах Саратовской губернии). Саратов: Саратов. гос. соц.-эконом. ун-т, 2008.

References

- Berger, P., and Lukman, T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya*. Moscow: Medium Publ., 1995 (in Russian).
- Bitsenko, A.A. *Organizatsiya truda i zhenskii trud v kolkhozakh: Doklad na I Vsesoyuznom s"ezde kol'khozniits 24 dek. 1929 g.* Moscow: Knigosoyuz Publ., 1930 (in Russian).
- Bitsenko, A.A. *Sel'skokhozyaistvennyye kommuny po materialam obsledovaniya Moskovskogo vysshego Kooperativnogo instituta v 1923 g.* Moscow: Novaya derevnya Publ., 1924 (in Russian).
- Bukharin, N.I. *Azбука kommunizma: populyarnoe ob"yasneniye programmy Rossiiskoi kommunisticheskoi partii bol'shevikov*. St. Petersburg: State Publ., 1920 (in Russian).
- Dianova, E.V. "O sel'skokhozyaistvennykh kommunakh Olonetskoй gubernii." *Klio: zhurnal dlya uchenykh*, no. 2 (2010): 81–83 (in Russian).
- Dyshler, P.Ya. *Kak ustraiivat' sel'skokhozyaistvennyye kommuny*. Petrograd: [S.n.], 1918 (in Russian).
- Dyuran, D.D. *Kommunizm svoimi rukami: Obraz agrarnykh kommun v Sovetskoi Rossii*. St. Petersburg: European University Publ., 2010 (in Russian).
- Gorbachev, O.V. "Teorii konstruirovaniya sotsial'noi real'nosti v XX veke i sovetskii proekt." In *1917 god v Rossii: sotsialisticheskaya ideya, revolyutsionnaya mifologiya i praktiki: sbornik nauchnykh trudov*, 29–49. Yekaterinburg: Ural University Publ., 2016 (in Russian).
- Gordeeva, I.A. "Obshchinniye mif i obshchinniye eksperiment v istorii Rossii XIX–XX vv." In *Kommunizm svoimi rukami: Obraz agrarnykh kommun v Sovetskoi Rossii*, 7–74. St. Petersburg: European University Publ., 2010 (in Russian).
- Grishaev, V.V. *Sel'skokhozyaistvennyye kommuny Sovetskoi Rossii. 1917–1929*. Moscow: Mysl' Publ., 1976 (in Russian).
- Grishaev, V.V. *Istoriya sel'skokhozyaistvennykh kommun: itogi izucheniya, problemy*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk University Publ., 1986 (in Russian).
- Khasbulatova, O.A. "Tekhnologii sozdaniya mifa o gendernom ravenstve: sovetskaya praktika." *Woman in Russian Society*, no. 4 (2018): 49–59 (in Russian).
- Konyukov, I.A. *Ocherki o pervykh etapakh razvitiya kollektivnogo zemledeliya 1917–1925 gg.* Moscow: Sel'khozgiz Publ., 1949 (in Russian).
- Larin, Yu. *Sovetskaya derevnya*. Moscow: Economic life Publ., 1925 (in Russian).
- Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochinenii v pyatidesyati pyati tomakh*. Moscow: Politizdat Publ., 1969 (in Russian).
- Mazur, L.N. "The Early Soviet Society as a Social Project: Concepts and Approaches." In *1917 god v Rossii: sotsialisticheskaya ideya, revolyutsionnaya mifologiya i praktiki*, 7–28. Yekaterinburg: Ural University Publ., 2016 (in Russian).
- Maslov, S. "Kollektivno-zemledel'cheskoe dvizheniye v sovremennoi Rossii." *Sovremennyye zapiski* (1922): 195–233 (in Russian).
- Meshcheryakov, N.L. *Kooperatsiya v Sovetskoi Rossii*. Moscow: State Publ., 1922 (in Russian).
- Pankova-Kozochkina, T.V. "Rabotniki sel'skikh sovetov 1920-kh godov: nomenklaturnye podkholdy bol'shevikov i sotsial'nye trebovaniya krest'yanstva (na materialakh yuga Rossii)." *Russian history*, no. 6 (2011): 136–145 (in Russian).
- Prudnikova, E. *Trud i byt v kolkhozakh*. Moscow: Knigosoyuz Publ., 1930 (in Russian).
- Rubtsova, M. *Organizatsiya zhenskogo truda v kolkhozakh*. Voronezh: Kommuna Publ., 1930 (in Russian).
- Семерикова, О.М. "Granitsy v realizatsii bol'shevistskogo proekta «sel'skokhozyaistvennaya trudovaya kommuna» v rannesovetskiiy period." In *Rossiiskoe krest'yanstvo i sel'skoe khozyaistvo v kontekste regional'noi istorii: materialy VII Vserossiiskoi (XV regional'noi) s mezhdunarodnym uchastiem konferentsii istorikov-agrarnikov Srednego Povolzh'ya (Ioshkar-Ola, May 23–24, 2018)*, 395–402. Yoshkar-Ola: Moria University Publ., 2018 (in Russian).
- Shcheglova, T.K. *Derevnya i krest'yanstvo Altaiskogo kraya v XX v.* Barnaul: BGPU Publ., 2008 (in Russian).
- Usatova, A.N. *Agrarnyye preobrazovaniya i pervyye kommuny vo Vladimirskoi gubernii*. Vladimir: Knizh. izd-vo Publ., 1961 (in Russian).

- Vasil'ev, P.G. *Voprosy truda i organizatsii kapitalov v sel'skokhozyaistvennykh kommunakh (opyt sotsyalisticheskikh kommun Sibiri)*. Novosibirsk: Knigosoyuz Publ., 1928 (in Russian).
- Varzho, I.I., ed. *Agrarnaya politika sovetskoy vlasti (1917–1918 gg.)*. *Dokumenty i materialy*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1954 (in Russian).
- Yakimov, D.V. *Agrarnyi vopros v politike bol'shevikov i levykh sotsialistov-revolutsionerov v fevrale 1917 g. – iyule 1918 g. (na materialakh Saratovskoi gubernii)*. Saratov: Saratov University Publ., 2008 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Семерикова Ольга Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социальных технологий Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Semerikova Olga Mikhailovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of History and Social Technologies of the Ural Humanitarian Institute, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.